

Т. А. ГРИДИНА
Уральский пединститут

ПРОЯВЛЕНИЕ СИСТЕМНЫХ МЕХАНИЗМОВ ЯЗЫКА В РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (феномен языковой игры)

Описываются структурно-семантические особенности окказиональных образований, позволяющих прогнозировать комический эффект.

Для современной лингвистики характерно стремление описать функционирование языка с учетом факторов индивидуального сознания и специфики проявления в речевой деятельности системных механизмов языка. В этой связи интересным представляется обращение к феномену языковой игры (ЯИ). Последняя находит наиболее широкое распространение в устной речи, фольклоре, публицистике, художественной литературе. Вместе с тем само понятие ЯИ не определено с достаточной четкостью. Проявления ЯИ рассматриваются прежде всего на эмпирическом уровне. Так, Е. А. Земская к спектру приемов ЯИ относит все многочисленные случаи преобразования структуры и значения языковых единиц, которые характеризуют «свободное отношение говорящих к форме речи», обусловленное «эстетическим заданием, эстетической установкой, пусть даже самой скромной»: эта установка проявляется в стремлении говорящего «...не только сообщить что-то, но и испытать самому и вызвать у собеседника эстетическое чувство самой формой речи. Чаще всего это чувство реализуется в виде установки на комический эффект» [8, с. 172—173]. Сущность ЯИ, таким образом, сводится к неканоническому использованию языка, языковому творчеству, ориентированному на скрытые возможности индивида в оперировании единицами языковой системы. На творческий характер ЯИ указывают Б. Ю. Норман, Е. В. Красильникова, подчеркивая в то же время, что это вид языкового творчества, свойственного каждому [4; 5; 6].

Подобный подход к ЯИ вполне правомерен, если рассматривать ее в ряду факторов, определяющих реализацию эстетической функции языка. Однако для выявления системно обусловленных истоков ЯИ более продуктивным представляется ее определение как феномена, связанного со свойством асимметрии языкового знака (см. [7; 9]). Именно асимметрия языкового знака, допускающая варьирование содержания в рамках устойчивой формы и варьирование формы при сохранении содержания, является системно заданным параметром (своего рода субстратом) ЯИ. Но и в рамках данной концепции не выясненным до конца остается вопрос о механизмах ЯИ: 1) может ли

ЯИ иметь непреднамеренный характер; причислять ли к ней неосознаваемые говорящими отступления от языковой нормы, могущие вызвать при восприятии речи эффект комического воздействия (ср., например, случаи смешения паронимов, омонимов); 2) какова роль системных стереотипов в продуцировании эффекта восприятия знака, «включенного» в ЯИ¹.

Нам кажется, что само понятие «игра» предполагает наличие определенных условий, прежде всего (в случаях ЯИ) осознанной установки на нетрадиционное (неканоническое) использование знака у адресанта речи, хотя, очевидно, следует иметь в виду такие ситуации, когда «...адресант, кодируя сообщение, не осознает семантических возможностей знака, осознание же их наступает уже после введения единицы в речь» [9, с. 18]. Считаем необходимым с учетом поставленной проблемы описания механизмов языковой игры особо отметить следующее: 1) ЯИ — это преднамеренное, входящее в интенцию говорящего и ориентированное на определенный уровень языковой компетенции воспринимающего преобразование или переосмысление плана выражения (ПВ) и плана содержания (ПС) языковых единиц; 2) творческий характер ЯИ не исключает, а, напротив, предполагает продуцирование семантического эффекта с учетом стихийно проявляющихся в речевой деятельности процессов лексической аттракции и системных законов языковой комбинаторики, определяющих особенности конструирования и сочетаемости словесных знаков. На основании сказанного можно выдвинуть следующее положение: принцип ЯИ заключается в нарушении стереотипа узуального восприятия и употребления слова (путем трансформации или переосмысления устойчивой связи между ПВ и ПС), но при этом актуализируется (на основе намеренной имитации) какой-то другой системно обусловленный стереотип (тот или иной вид связи, определяемый устройством языковой системы).

Специфическим приемом ЯИ, в результате которого достигается «сдвиг» в структуре знака, является так называемая намеренно ложная мотивация (НЛМ), актуализирующая один из системно значимых видов отношений между лексическими единицами (ЛЕ) — их деривационные связи. НЛМ представляет собой сознательно парадоксальное прояснение внутренней формы слов по принципу народной этимологии (на основе сближения лексем по случайному созвучию) [1; 3; 6]. Данный прием ЯИ положен в основу «Бестолкового этимологического словаря» (БЭС), публиковавшегося на 16 странице «Литературной газе-

---

¹ По справедливому, с нашей точки зрения, утверждению Н. А. Уваровой, творческое отношение к речи, часто ведущее к отступлениям от нормы, «...не ломает самой системы языка, а, напротив, подчеркивает нормативность, непреложный фон, на котором только и могут выделяться внесистемные образования» [9, с. 15].

ты» (1972—1980 гг.). Отмечаются факты НЛМ и в устной разговорной речи.

В задачу данной статьи входит описание структурно-семантических особенностей окказиональных образований, созданных на основе НЛМ, и выявление тех системных механизмов, которые позволяют прогнозировать эффект комического воздействия при использовании данного приема ЯИ. Обращение к НЛМ как приему ЯИ непосредственно связано также с выявлением функциональной значимости категории мотивированности, что актуально для изучения законов словотворчества с учетом влияния фактора словообразовательной аналогии на языковые потенции индивида. Материалом для анализа послужили указанные выше источники.

Прогнозируемый эффект комического воздействия во всех случаях НЛМ достигается соотношением интерпретируемого узуального слова с псевдомотиватором, который служит средством преобразования ПС и ПВ ЛЕ.

1. Приемы НЛМ, в результате которых происходит одновременное преобразование ПС и ПВ слова ²:

1) смысловая контаминация созвучных ЛЕ, в результате которой звуковая оболочка и значение интерпретируемого узуального слова преобразуются на основе сближения с псевдомотиватором иного семантического поля, что создает ассоциативную двуплановость новообразования: *алконавт* — «пьяный, который ищет приключений» (ср. *аргонавт* и псевдомотиватор *алкать*, актуализирующий в значении слова сему «искатель приключений» и одновременно ассоциативно связанный со словами *алкаш*, *алкоголик*);

2) омонимическое или омофоническое «выдвижение» псевдомотиватора: в структуре слова графически вычленяется элемент, омонимичный какой-либо узуальной единице языка, чем достигается ассоциативный параллелизм в восприятии значения узуального слова; так, в словосочетании *обШАРПанная элита* новый (окказиональный) смысл появляется путем соотношения с псевдомотиватором *шарп* — названием японской фирмы по производству радиоаппаратуры; *обШАРПанная элита* — буквально «элитарные слои общества, имеющие острodefицитный ШАРП»; узуальное значение прилагательного *обшарпанный* («оборванный, обтрепанный») создает контрастный ассоциативный фон, актуализирующий пейоративные оценочные коннотации (ироническую характеристику элиты, интересы которой ограничиваются только стремлением к материальному благополучию). Ср. *гласНОсть* — «гласность с оговорками, ограничениями».

---

² Под ПВ понимаем звуковую, материальную сторону слова (высказывания), воспринимаемую слухом (а при письменной фиксации — зрением), поэтому всякое преобразование материальной оболочки слова (в том числе графическое) считаем изменением ПВ.

2. Приемы НЛМ, основанные на изменении ПС при сохранении ПВ узуальной ЛЕ. Переосмысление значения слова осуществляется путем его окказионального членения, которое, являясь парадоксальным, имитирует в то же время особенности строения мотивированных слов в системе языка:

1) членение ЛЕ по типу сложных слов с имитацией явления внутрисловного наложения морфем (например, *степень* — «пень в степи»); переосмысленное слово выступает как омоним по отношению к собственному узуальному значению. Комический эффект возникает не на основе ассоциативного параллелизма, а на основе смысловой омонимии (несоотнесенности) узуального и окказионального употребления ЛЕ, парадоксальности ее «нового» значения. Ср. *бабахать* — «издавать громкие звуки» и *бабахать* — «восхищаться женщинами», соотносимое с экспрессивными псевдомотиваторами *баба* и *ахать*;

2) имитация структуры сложных слов без соединительных гласных на основе омонимических соответствий произвольно вычленяемых в слове сегментов с русскими и иноязычными корневыми морфемами: *лавсан* — «любовь к сыну» (ср. англ. love — «любовь» и son — «сын»); спецификой восприятия узуальной аббревиатуры *лавсан* является ее лексикализированный характер, утрата связи с исходным словосочетанием (лаборатория высокомолекулярных соединений АН СССР); слово выступает в сознании носителей языка как немотивированное, что способствует его сближению с иноязычными псевдомотиваторами в процессе ЯИ; ср. *пистолет* — «период времени, равный приблизительно 314,5 лет» (слово произвольно членится на «корни»: *пи* — обозначение математической величины, *ст(о)* — словоформа числительного, *лет*);

3) имитация структуры аффиксальных образований на основе омонимии и омофонии частей слова с узуальными корневыми и аффиксальными морфемами: *аппетит* — «отсутствие пети́та в типографии» (окказиональное членение слова осуществляется в опоре на формальное совпадение начального звука с иноязычной приставкой *a-* (в значении отрицания) и омофонию остаточной части слова («корня») с существительным *петит*); ср. также: *экстаз* — «исступленно-восторженное состояние» и *экстаз* — «таз, вышедший из употребления». Из данных примеров видно, что акцент в актуализации окказионального смысла интерпретируемых слов падает на «аффикс», реализующий обычное для узуального употребления словообразовательное значение; прогнозируемый эффект восприятия слова основывается на парадоксальности комбинаторики вычленяемых в нем корневых и аффиксальных морфем. Ср. интерпретацию слов, имитирующих структуру суффиксальных и префиксально-суффиксальных образований с собственно русскими аффиксами: *чинара* — «большой начальник» (суффикс *-ар* имеет в данном случае значение, аналогичное тому, которое выступает, напри-

мер, в слове *котяра* — о коте крупных размеров, обычно с оттенком уважительности, восхищения или иронии); *набалдашник* — «точный удар, нокаут» (ср. *балда* «бестолковый человек», в данном случае имеющее ассоциативную связь с Балдой — персонажем сказки А. С. Пушкина; отсюда *набалдашник* — буквально «удар, равный по силе удару Балды, который третьим щелчком вышиб ум у попа»; приставка *на-* воспринимается в значении «направленность действия на поверхность чего-либо», а квазиаффикс *-ашник* воспринимается как алломорф суффикса *-ник* с предметно-результативным значением);

4) НЛМ на основе омонимичного наполнения словообразовательной структуры слова (членимость ЛЕ при этом не меняется, но изменяются соотношенность с лексическим мотиватором и значения аффиксов): происходит своего рода декорреляция, возможность которой вытекает из наличия в системе языка омонимичных корней и аффиксов: ср. *бракосочетание* (от *сочетаться браком*) и *бракосочетание* — «склад бракованной продукции» (от *брак* со значением «недоброкачественные, с изъяном предметы производства»); суффикс *-ний*, выступающий в узусе как алломорф к *-аний*, *-ений*, при соотношении слова *бракосочетание* с новым лексическим мотиватором реализует значение конкретной предметности: «нечто (помещение), предназначенное для того, что названо производящим словосочетанием»; *винодел* (от *делать вино*) и *винодел* (от *находить, доказывать вино*) — «следователь»; *привратник* (от *врата*) и *привратник* (от *врать, приврать*) — «обманщик» (суффикс *-ник* сохраняет значение указания на лицо мужского пола, а приставка *при-* выступает в значении указания на неполноту проявления действия, обозначенного псевдомотиватором — глаголом *врать*).

Анализ приемов создания комического эффекта на основе НЛМ показывает, что этот эффект возникает в результате сознательно прогнозируемых: а) ассоциативного параллелизма (смысловый двуплановости) реинтерпретируемого слова и б) омонимического контраста между узуальным и окказиональным значениями ЛЕ. Ассоциативный параллелизм предполагает одновременную актуализацию в сознании воспринимающего окказионального и узуального смыслов слова (восприятие значения реинтерпретированного слова на фоне его собственного узуального значения, установление разнообразных связей между этими значениями): так, *алконавт* — буквально «алкоголик, который ищет приключений подобно аргонавту»; ср. *чернила* — «анонимщик», значение которого воспринимается при новой интерпретации на фоне узуального *чернила* — «жидкость для письма»; *ушат* — «человек с большими ушами» и *ушат* — «кадка с двумя ушами-ручками округлой формы». Омонимический же контраст не предполагает установления смысловых связей между узуальным и окказиональным значениями слова, но создает особую установку на восприятие парадокса,

заклученного в новом толковании слова: ср. *экстаз* и *экс-таз* и т. п.

В актуализации окказиональной семантики слова значительную роль играют не только лексические, но и структурные связи ЛЕ в системе языка (в частности, восприятие новой членности слова на фоне однокоренных образований).

Что касается имитации правдоподобия словообразовательной структуры и словообразовательной семантики слов при их НЛМ, то этот фактор, несомненно, является важным составляющим механизма ЯИ рассматриваемой разновидности. По характеру соотносительности с узуальной словообразовательной моделью (словообразовательным типом) можно выделить три группы среди окказиональных образований, представленных в нашем материале: 1) окказиональные образования, словообразовательная структура которых полностью соответствует узуальным словообразовательным типам (СТ); 2) окказиональные ЛЕ, которые воспроизводят (имитируют) структуру узуального СТ лишь частично (без «учета» морфонологических, лексико-грамматических и т. п. ограничений, определяющих продуктивность данного СТ в узусе); 3) окказионально осмысленные слова, словообразовательная структура которых не имеет аналога в узусе.

Так, к первой группе слов, получивших новое членение и толкование на основе псевдомотивации, относятся: *вареник* — «повар» (где суффикс *-еник*, присоединяемый к глагольной основе, имеет словообразовательное значение лица, производящего действие; ср. узуальное *труженик* и т. п. слова, образованные по тому же СТ); *колун* — «фехтовальщик» (от *колоть* — «наносить удары шпагой, рапирой»), словообразовательная структура и значение которого полностью соответствуют узуальным образованиям типа *бегун*, *прыгун* и т. п., продуктивным, кстати сказать, в сфере спортивной терминологии; *чернила* — «анонимщик», ср. узуальные *запевала*, *зазывала*; *пищаль* — «грудной младенец», словообразовательная структура которого соответствует отглагольным существительным с суффиксом *-аль* со значением «лицо мужского пола, производящее действие, названное мотивирующим глаголом», ср. *враль*; *рыло* — «лопата» (от *рыть*), словообразовательная структура которого имитирует строение отглагольных существительных типа *зубило*, *точило*, *шило* с орудийным предметным значением суффикса.

Ко второй группе слов, «воспроизводящих» узуальные СТ с некоторыми отклонениями³, относятся: а) ЛЕ, имитирующие

---

³ При описании отклонений от структуры СТ имеем в виду традиционное определение СТ как формально-семантической схемы построения производных слов, характеризующихся общностью частеречной принадлежности производящих, общностью словообразовательного ферманта и словообразовательного значения.

структуру словообразовательных типов узуса при «снятии» различного рода ограничений, чаще всего лексико-грамматических, стилистических, морфонологических. Так, словообразовательная структура окказионально мотивированного слова *желтуха* — «крашенная блондинка» соотносительна с отадективными узуальными существительными типа *молодуха*. Однако в узусе такие существительные называют лиц женского пола только по возрастному (физиологическому) признаку (ср. также *большуха*), а не по особенностям (характерным приметам) внешности. Снятие морфонологических и лексико-грамматических ограничений наблюдается при имитации правдоподобия словообразовательной структуры слова *речка* в значении «маленькая речь» (в узусе от абстрактных существительных не образуются производные с уменьшительным суффиксом *-к-*, ср. узуальное разг. *речевка*). Снятие стилистических ограничений наблюдается при намеренно ложной мотивации слова *строгач* — «столяр», соотносительного с отглагольными существительными типа *рвач*, *трепач*, имеющими экспрессивный характер. В окказиональном толковании слова *строгач* не содержится экспрессивно-оценочной характеристики называемого лица по отношению к выполняемому им действию, однако экспрессивный характер подобных образований в узусе служит фоном для актуализации коннотаций, свойственных мотивирующему глаголу *строгать* — «выполнять грубую, несложную работу», что создает каламбурный подтекст при восприятии значения переосмысленного слова; 6) ЛЕ, совмещающие в себе значения двух узуальных СТ. Так, существительное *забрало* — «вратарь», мотивированное глаголом *забрать*, содержит в своей структуре словообразовательный формант *-л(о)*, который в узусе в составе подобных существительных среднего рода имеет значение орудийности (ср. *точило*). Вместе с тем толкование слова *забрало* при его псевдомотивации сообщает суффиксу *-л-* значение действующего лица, которое в узусе данный суффикс имеет в составе существительных общего рода (ср. *запевала*). Совмещение значений орудийности и деятеля сообщает реинтерпретированному слову смысловую двуплановость, что усиливает эффект комического воздействия.

К третьей группе слов, не имеющих аналога по словообразовательной структуре среди узуальных ЛЕ, относятся: а) слова, окказиональность которых заключается в наличии у них словообразовательного «форманта», отсутствующего в системе узуальных словообразовательных средств. При этом такой квазиаффикс «принимает» значение форманта, выступающего в синонимичных СТ: ср. *модуль* — «франт» и *модник*, в которых квазиаффикс *-уль* и узуальный формант *-ник* выступают в значении указания на лицо мужского пола; *капелла* — «пипетка» (производное от капать с «помощью» форманта *-елл*) и, например, *пила* (от *пилить*), в которых наблюдается тождество

словообразовательного значения форманта (значение орудийности); б) слова, окказиональное толкование которых производится с явным нарушением словообразовательных норм. Ср.: *антипод* — «над», образование которого можно интерпретировать как присоединение приставки *анти-* со значением отрицания к предлогу *под* со значением «указание на местонахождение предмета ниже чего-либо». Особенно часто подобной интерпретации подвергаются слова, при псевдотолковании которых имитируется структура сложных, сложно-суффиксальных, сложносокращенных образований (аббревиатур), а также так называемых сращений. Ср.: *панегирик* — «женщина-культуристка», пересмысленное по связи с псевдомотиваторами *пани*, *гиря* при вычленении в составе слова суффикса *-ик*; *гастрит* — «улица площадью 1 га» (ср. англ. *street* — «улица»), *футурист* — «плохой турист», мотивированное междометием *фу!* и существительным *турист*; *главбух* — «тренер по прыжкам в воду», имитирующее образование слоговых аббревиатур; *колокол* — «способ добывания огня трением двух колышков», имитирующее способ сращения, в узусе не представленный словами подобной структуры.

Таким образом, ЯИ как один из видов эстетически направленного творчества индивида свидетельствует о значительном расширении спектра системно заданных ассоциативных связей слова в речевой деятельности. В частности, НЛМ, являющаяся распространенным приемом ЯИ, свидетельствует о широких возможностях реинтерпретации морфемной и словообразовательной структуры на основе неузуальных омонимических и омофонических соответствий (соотнесения произвольно вычленяемых в слове сегментов с омонимичными и омофоничными корневыми и аффиксальными морфемами). Аналогом такого ассоциирования в стихийно протекающих процессах речевой деятельности могут служить факты народной этимологии, омофонического переразложения слова в потоке речи и т.п. явления [8]. В явлении НЛМ реализуется заложенный в системном устройстве языка механизм «конструктивного» (идущего от структуры к значению) восприятия смысла слова. Интерпретация структуры и значения слов осуществляется при этом на основе определенного набора закрепленных в системе языка словообразовательных типов и ориентации на типичные модели морфемного состава узуальных лексем.

Имитации правдоподобия словообразовательной и морфемной структуры слова — важные составляющие НЛМ как разновидности ЯИ. При этом фактор словообразовательной аналогии (например, имитация определенного способа правдоподобия как самого состава, так и значений «вычленяемых» в слове морфем (ср. *колокол-кол о кол*, *модуль* — «франт», *капелла* — «пипетка» и т.п.). И, наоборот, наличие в реинтерпретируемом слове элементов, соотносительных с узуальными мор-

фемами, «перекрывает» при восприятии слова неправдоподобие словообразовательной структуры и семантики ЛЕ (ср., например, *антипод* — «над»).

Проанализированный материал дает основание утверждать, что СТ как системно заданный механизм образования слов представляет собой не жесткую, а динамическую схему, допускающую при тождестве формальной структуры слова переход от одного стереотипа восприятия ее значения к другому (см., например, явление омонимичного наполнения словообразовательной структуры слова).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Гридина Т. А.* Проблемы изучения народной этимологии. Свердловск, 1989.
2. *Она же.* Фоносемантические ассоциации как основа каламбура // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. Свердловск, 1991.
3. *Гридина Т. А., Попова Т. В.* Ассоциативная семантика новообразований-гибридов // Функциональная семантика. Свердловск, 1991.
4. *Красильникова Е. В.* Почему не говорят? // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование и членимость слова. М., 1975.
5. *Норман Б. Ю.* Всерьез о шутке // Вопросы языкознания и литературы. Новосибирск, 1970. Вып. 4. Ч. 1.
6. *Она же.* Вторичная семантическая мотивация как национально-культурный компонент языкового сознания // Психолингвистика и межкультурное взаимопонимание: Тез. докл. X Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1991.
7. *Она же.* Язык: знакомый незнакомец. М., 1987.
8. *Русская разговорная речь.* Фонетика, морфология, лексика, жест. М., 1983.
9. *Уварова Н. В.* Логико-семантические типы языковой игры (на материале английской диалогической речи). Дис. ... канд. филол. наук. Горький, 1986.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1993

И. Е. ШУВАЛОВА
Московский педуниверситет

СЕМАНТИКА ИМЕНИ БЫТУЮЩЕГО ПРЕДМЕТА В БЫТИЙНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ РАЗНЫХ ТИПОВ

Исследуются закономерности интерпретации имени объекта, вводимого в поле зрения коммуникантов, с точки зрения достоверности — недостоверности знания, собственно существования или принадлежности к определенному классу и т. п.

Бытийные конструкции используются в речи обычно тогда, когда говорящему необходимо обозначить объект, впервые появляющийся в поле зрения коммуникантов. Чтобы понять го-